УДК 410

ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ МИНИМИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Е. С. Конопкина

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Поступила в редакцию 20 мая 2016 г.

Аннотация: *статья посвящена минимизации как одному из внутренних законов развития языка. Рассматриваются явления фономорфологической и семантической минимизации. Установлено, что процесс фономорфологической минимизации направлен на усечение фонетической структуры цельнооформленной или многокомпонентной производящей единицы, а процесс семантической минимизации связан с сужением вещественного значения лексических единиц.*
Ключевые слова: *фономорфологическая минимизация, семантическая минимизация, усечение, редукция, сужение значения.*

Abstract: *the article discusses minimization as the inner law of language development. Examples of phonomorphological and semantic minimization demonstrate that, while the process of phonomorphological minimization is aimed at the truncation of the phonetic structure of mono- or multi-component generating unit, the process of semantic minimization is associated with narrowing of the real meaning of lexical units.*
Key words: *phonomorphological minimization, semantic minimization, truncation, reduction, narrowing of meaning.*

Диалектика процесса языкового развития обусловлена взаимодействием двух противоположных тенденций.

С одной стороны, в языке действует постоянный механизм детализации, конкретизации, расщепления мысли, понятия. Этот механизм связан с познавательной деятельностью человека, ищущего всё новые и новые средства выражения добытых знаний. Увеличение числа и качества однословных и многокомпонентных названий ведет к удлинению словесного выражения мысли, понятия, к увеличению времени на ее (его) реализацию, что затрудняет общение, поскольку «язык стремится к передаче все большего количества информации в единицу времени» [1, с. 16].

С другой стороны, язык не может допустить бесконечного множества функционирующих единиц (слов), как этого требует бесконечное многообразие познаваемого мира, в силу того что возможности человеческого мозга ограничены, а стремление к уменьшению времени на реализацию той же мысли вызывает редукцию существующих языковых единиц. Следовательно, относительная «избыточность» языка порождает тенденцию, а затем и закон, и системность (упорядоченность) проявления экономии языковых усилий, так как «в языке может действовать как закон расширения, так и закон экономии языковых средств. Способом реализации последнего является фономорфологическая и семантическая минимизация существующих языковых средств, а способом реализации закона расширения – наращение семантики, морфем или слов» [2, с. 318].

Таким образом, данную антиномию, как и другие (язык и речь, синхрония и диахрония, говорящего и слушающего и т.п.), необходимо, на наш взгляд, отнести к важнейшим внутренним законам развития языка.

Фономорфологическая минимизация представляет собой процесс сокращения, редукции языковых единиц (фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений, текста).

Процесс фономорфологической минимизации охватывает все языковые уровни, обладая на каждом из них своей собственной спецификой.

На фонетическом уровне минимизация ограничена, так как она действует в закрытой системе и в исчислимых тематических группах. Она проявляется в опущении, выпадении фонем, слогов, части слова, не имеющей четких морфологических границ, стяжении звуков в потоке речи.

На морфологическом уровне минимизация представлена более широко, чем на фонетическом, хотя она также действует в закрытой системе (морфемная система языка вполне исчислима). Флективный характер русского языка обусловливает активное проявление закона экономии языковых средств, в отличие от языков изолирующего или агглютинативного типа, в которых действует тенденция к сохранению морфем. Минимизация на этом уровне русского языка выражается в опущении или сокращении значимых

© Конопкина Е. С., 2016

частей слова как при словообразовании, так и при формообразовании.

На лексическом уровне минимизация не ограничена, так как действует в открытой системе. Она имеет тенденцию расширения способов минимизации и проявляется в появлении минимизированных единиц – усечений, универбатов, аббревиатур, субстантиватов.

На синтаксическом уровне минимизация обладает большей свободой редукции высказываний, так как зависит от воли субъекта речи. Она реализуется в таких явлениях, как универбация, эллипсис, синтаксическая редукция, и обнаруживается как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения.

На высшем языковом уровне минимизация проявляется в том, что текст как единица языка с неограниченным содержанием, наряду с другими языковыми единицами, обладает способностью свертываться, редуцироваться до слова, словосочетания или предложения.

Актуализатором практически всех текстовых категорий является заглавие художественного произведения. Как известно, оно является одним из важнейших компонентов текста и занимает в нем абсолютно сильную позицию. Это первый знак произведения, с которого начинается знакомство с произведением. Заглавие активизирует восприятие читателя и направляет его внимание к тому, что будет изложено далее.

Для нашего исследования важным является тот факт, что заглавие в конденсированной форме выражает основную тему текста, определяет его важнейшую сюжетную линию или указывает на конфликт произведения, т.е. заглавие рассматривается как «компрессированное, нераскрытое содержание текста» [3, с. 133].

Семантическая минимизация, связанная с сужением (редукцией) вещественного значения языковых единиц, безусловно, не является столь очевидной, как фономорфологическая редукция единиц языка, так как она не представляет собой однократный акт деривации, в результате которого слово полностью или частично теряет свое вещественное значение.

Прежде всего, к семантической минимизации необходимо отнести процесс утраты словом его первоначального значения вследствие деэтимологизации, т.е. «разрыва связи с однокорневыми образованиями вследствие фонетических изменений («щи» − букв. «сочные»; «перчатки» − букв. «пальчатки»), перестройки семантических связей («мешок» от «мех» − первоначально мешки делались из звериных шкур), иногда приводящих к новому членению сложных слов («медведь» вместо «медь-едь» – поедатель меда), ложной этимологии вследствие случайного созвучия («ладушки» ошибочно связывают с «ладоши» вместо ладушки», «лада» − милый) [4, с. 596].

В процессе исторического развития наблюдается не только расширение, но и сужение семантики слова, т.е. ограничение объема обозначаемого понятия, ведущее к замене старого значения новым значением слова. Например, слово *платье* в XIX в. имело значение «всякая одежда, надеваемая поверх белья», в современном русском языке это лишь женская одежда. Сужение значения произошло в таких словах, как «*пиво*» (раньше обозначало любое питье), «*квас*» (обозначало все, что связано с процессом окисления). Исследуя различные типы семантических изменений праславянских лексем, Е. М. Маркова отмечает, что сужение семантики слова может быть связано со следующими явлениями: во-первых, с конкретизацией семантики слова; во-вторых, с переходом от обозначения родового понятия к видовому; в-третьих, с переходом слова в сферу специальной лексики [5, с. 165].

Сужение (специализация) значения является активной и продуктивной разновидностью «семантического терминообразования во многих терминосистемах современного русского литературного языка» [6, с. 81]. Г. Пауль в работе «Принципы истории языка» писал: «Специализация значений устанавливается главным образом в языке разных сословий и профессий, поскольку каждой такой группе особенно близки определенные представления. Одно из обычнейших средств создания технической терминологии заключается в простом присвоении более определенного смысла словам и выражениям общего языка» [7, с. 108].

Семантическая минимизация проявляет себя и в процессе десемантизации. *Десемантизация* – утрата словом своего лексического значения и переход его в грамматические форманты [4, с. 259]. Утрата уменьшительно-ласкательной семы происходит в словообразовательном гнезде типа «дева – девка – девочка – девчонка – девчоночка», так как «однокоренные слова с деминутивными суффиксами могут подвергаться семантическим переосмыслениям за счет десемантизации суффиксальной части слова» [8, с. 20], и лексема «*девочка*» (ср. *девчушка*, *девонька*), действительно, лишена значения уменьшительности-ласкательности, которое присуще производному со второй степенью деминутивности *девчоночка.*

Наблюдения свидетельствуют о том, что семантическому преобразованию, связанному с обеднением, или, по выражению А. Н. Гвоздева, «побледнением», лексического значения [9, с. 74], подвергаются прежде всего глаголы, в частности та их часть, которая объединена отношениями полнозначности/неполнозначности.

Неполнозначные глаголы русского языка имеют давнюю традицию изучения. До настоящего времени исследовалась преимущественно ядерная часть группировки неполнозначных глаголов, которая «включает отвлеченный глагол «*быть*» и полузнаменательные глаголы, которые обладают активностью употребления: модальные (*казаться*/*показаться*, *оказываться*/*оказаться*, *представляться*, *являться*) и фазисные (*стать*/*становиться, делаться*/*сделаться, оставаться*)» [10, с. 201]. Для нашего исследования важным является и то, что «в последнее время все заметнее обнаруживается тенденция к значительному расширению круга включаемых сюда глаголов» [11, с. 10].

Анализ языкового материала убеждает, что глаголы с промежуточной, полузнаменательной семантикой охватывают широкий спектр действий и состояний, характеризующих человека. Исходя из общепринятого деления вспомогательных и связочных глаголов на слова с модальным и фазисным значением, многие лингвисты отмечают, что большей частотностью и семантическим разнообразием отличаются промежуточные явления в круге модальных глаголов.

Это объясняется тем, что достаточно полно описанный в научной литературе лексико-грамматический класс фазисных глаголов включает в свой исходный состав всего «около 150 глаголов со свободными и связанными корнями (*начать, приняться, продолжать, кончить, перестать, прекратить, браться, взяться, броситься, наброситься, кинуться, рваться, встать, лезть*, *удариться* и под.)» [12, с. 223]. Такие глаголы «указывают на момент протекания действия: его начало, фазу продолжения действия, фазу перехода от одного действия к другому и возобновления действия, фазу прекращения действия» [там же].

Слова этого класса могут употребляться как в роли полнозначных так и в роли неполнозначных: *начать разговор* и *начать разговаривать*; *удариться о землю* и *удариться в пляс, удариться плясать* и т.п.

Промежуточные явления среди глаголов с модальными значениями представлены более широко и разнообразно. Даже самые предварительные попытки их классификации обнаруживают семантические классы и подклассы, называющие различные виды деятельности и характеристики человека. «К этой группе относятся прежде всего глаголы, обозначающие бытие, существование, становление предмета: *жить, родиться, проснуться, доживать, умереть, расти, вырасти* и пр., которые в основных значениях являются полнозначными, а при употреблении с формами имени существительного или прилагательного теряют семантическую самостоятельность. Это также глаголы со значением оценки, способности или неспособности сделать что-либо: *уметь, ухитриться, умудриться, научиться, разучиться, потрудиться, покуситься, рискнуть* и т.п., эмоционально-психического состояния человека: *мечтать, надеться, любить, ненавидеть, робеть, бояться, привыкать, предпочитать, стыдиться, стесняться, страшиться, конфузиться, дичиться, жаждать* и пр., волеизъявления, воздействия (глаголы-директивы): *уговаривать, упрашивать, убеждать, грозить, угрожать, помогать, заставить, разрешить, дать, обещать, требовать, потребовать* и т.п., интеллектуальной деятельности: *думать, воображать, помышлять, замышлять* и пр.» [10, с. 208].

При всей неоднозначности отношения лингвистов к семантической деривации необходимо признать, что новое производное слово, сохраняя единую фономорфологическую структуру, приобретает в своей семантической структуре какие-то новые семы, соотносящиеся с новой реалией объективной действительности. Вместе с тем дериват в каком-то значении теряет часть общих или периферийных семантических компонентов, свойственных производящему ЛСВ или слову в целом. Без всякого сомнения, не только семантический дериват, но и любое другое производное слово сужает или расширяет свои синтагматические возможности, может приобретать новые семантические и коннотативные компоненты, которые включают слово в данном значении в другие парадигматические противопоставления.

Появление деривата, т.е. нового слова, свидетельствует одновременно об удалении части сем или данного ЛСВ слова от других ЛСВ, вместе с тем дериват сохраняет семантические связи с базовым ЛСВ. Например, в Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой слово «*каланча*» толкуется следующим образом: 1. Дозорная вышка пожарной части. 2. *Разг., шутл*. О человеке высокого роста. В первом ЛСВ можно выделить характерные семы «высокий», «неодушевленность», «предназначенный», «строение», «гасить (огонь)», во втором ЛСВ – «высокий», «одушевленность», «человек». Производный дериват, сохраняя ядерную сему «высокий», обозначает новую реалию, но теряет часть своих сем. Следовательно, при семантической деривации семантическая структура слова расширяется за счет появления нового ЛСВ. Однако данный ЛСВ обладает частью семантики производного ЛСВ и представляет минимизированную семантическую единицу.

Проведенное исследование показало, что процесс фономорфологической редукции на различных языковых уровнях обладает собственной спецификой и областью распространения внутри каждого яруса языка, а процесс семантической минимизации проявляет себя в таких явлениях, как деэтимологизация, десемантизация, сужение семантики слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Николаева Т. М.* Диахрония или эволюция? (Об одной тенденции развития языка) / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1991. – № 2. – С. 12–26.

2. *Хашимов Р. И.* Об одном способе словообразования / Р. И. Хашимов // Русский язык. Актуальные проблемы лингвистики и дидактики. – Елец, 2002. – 20 с.

3. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.

5. *Маркова Е. М.* Расширение и сужение как типы семантических изменений праславянских лексем / Е. М. Маркова // Русское слово : диахронический и синхронический аспекты. – Орехово-Зуево, 2003. – С. 164–165.

6. *Прохорова В. Н.* Русская терминология (лексико-семантическое образование) / В. Н. Прохорова. – М. : МГУ, 1996. – 125 с.

7. *Пауль Г.* Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 500 с.

8. *Хашимов Р. И.* К вопросу о формировании русской возрастной лексики (историческое формирование и современное функционирование возрастных наименований несовершеннолетних детей) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Р. И. Хашимов. – М. : МГУ, 1973. – 20 с.

9. *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1973. – Ч. 2. – 350 с.

10. *Плеханова Л. П.* Промежуточные явления в семантико-грамматическом поле полнозначных/неполнозначных глаголов русского языка / Л. П. Плеханова, Абед Ал-Джабар М. Хантоош // Структурно-семантическая специфика и функционально-коммуникатив-ный статус языковых единиц. – Липецк, 2004. – С. 197–216.

11. *Чернов В. И.* Именные предикативные конструкции в современном русском языке : учеб. пособие к спецкурсу / В. И. Чернов. – М. : МГПИ, 1985. – 95 с.

12. Русская глагольная лексика : пересекаемость парадигм / отв. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 517 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Конопкина Е. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного

E-mail: konopkina 2012@mail.ru

Тел.: 8-904-698-96-26

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky

Konopkina E. S., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian as a Foreign Language Department

E-mail: konopkina2012@mail.ru

Tel.: 8-904-698-96-26